

Для Се Бэя такая возможность, безусловно, была выгодной. Прорваться в мир кино — задача нелёгкая. Его молодость и отсутствие громких ролей пока что позволяли ему держаться на плаву лишь благодаря накопленной популярности и армии фанатов. Второстепенных ролей он отыграл немало, и отзывы были хорошие, но настоящей, своей работы, которая бы стала визитной карточкой, у него пока не случилось. Последние пару лет кинематографическая карьера не задалась: несколько фильмов снялись, да так и зависли — то с темой проблемы, то с выпуском. Пока что можно сказать, что в артхаусе он закрепился неплохо, несколько мэтров им заинтересовались. Но факт остаётся фактом: без реальных достижений, даже при всей симпатии и хороших отношениях, разговор идёт только о результатах. Дорога в коммерческое кино ещё тернистее, там важнее связи и ресурсы. Его послужной список внушительен, но в мире шоу-бизнеса это не так уж много. Конкуренция бешеная, чтобы подняться, одного таланта мало — нужна поддержка капитала, инвесторы играют не последнюю роль. По плану Лю Хун, с кино спешить не стоило. Артхаус последних лет — лишь разминка, нужно дать ему время, чтобы «выстрелить». Пока можно сниматься в сериалах, ждать стоящий сценарий на главную роль и уже тогда потихоньку двигаться вперёд.

Но сейчас кто-то готов был помочь ему сделать маленький шаг в мир кино — даже крошечный. Связи — штука редкая, ими не разбрасываются, и ухватиться хоть за кончик уже большая удача.

Он на мгновение задумался, затем поднял взгляд и, отбросив все лишние мысли, сказал с полной серьёзностью: «Хорошо, я тогда пойду с вами». И, сделав паузу, добавил: «Спасибо».

Сюй Чжичжэнь лишь тронул уголки губ, в его глазах отразилось сосредоточенное лицо Се Бэя. Он промолчал.

Собственно, и сказать-то было нечего. Всё и так всем ясно, просто не произносилось вслух.

Дальше стало полегче. Сюй Чжичжэнь попытался поиграть с Жади, но после нескольких неудачных попыток сдался. Кошечка оказалась неприступной айсбергинею, совсем не похожей на ласковых, нежных и обожающих ластиться кискот. Неудача была душераздирающей. Он распластался на ковре, глядя в зелёные глаза Жади, и, окончательно сдаваясь, невольно взвыл жалобно Се Бэю: «Ну почему с ней так трудно? Совсем не играет! А вот Пузырёк — милашка!»

Сказав это, он сам остолбенел, в смятении роясь в мыслях: «Что я только что сказал? Каким это тоном было? О господи, как по-девчачьи вышло! Прямо как та пассивная королева из старшей школы... Что со мной? Наверное, крыша поехала!»

Се Бэй тоже опешил. Он взглянул вниз на Сюй Чжичжэня, у которого на лице застыла целая гамма чувств — от растерянности до желания повернуть время вспять и придушить себя за эти слова. Уголки его губ дрогнули, но он сдержался, поднёс кулак ко рту, прикрывая улыбку, и выдал: «Возможно... возможно...»

«Возможно» так ни к чему и не привело. Сдержаться он не смог и рассмеялся. Сюй Чжичжэнь, было подумавший, что инцидент исчерпан и Се Бэй не обратит внимания, вдруг осознал неладное. Увидев, как тот смеётся всё беззастенчивее, он запоздало почувствовал, как лицо заливают жар. Чтобы скрыть смущение, он набросился на Се Бэя: «Да перестань же смеяться!»

Это были всего лишь лёгкие шлепки. Сюй Чжичжэню стало неловко, он отполз обратно, почесал затылок и сам неуверенно хихикнул.

Они поболтали о том о сём: о работе Се Бэя за последние дни, о том, как Сюй Чжичжэнь

вымотался, таскаясь по магазинам с женской половиной семьи, о том, как красиво падал в Пекине снег, и о том, какие вкусности ждут их на Новый год.

Рассказывая о блюдах, которые готовят у него дома, Сюй Чжичжэнь вдруг вспомнил: у Се Бэя то никто не готовит новогодний ужин, они с бабушкой собирались в ресторан. Он снова почесал затылок, замешкался, подумал и осторожно спросил: «Вы с новогодним ужином уже определились?»

Се Бэй с нарочитой озадаченностью ответил: «Спрашивал. Все приличные места поблизости уже забиты под завязку. Думаем, может, в какой-нибудь подальше съездить».

Сюй Чжичжэнь поколебался. Долго соображал, не будет ли это бестактно, не слишком ли фамильярно. Вдруг его семья будет против, чтобы чужой человек влезал в их семейный праздник? Но с другой стороны, глядя на то, как Се Бэй и его бабушка будут коротать Новый год вдвоём, как-то уж очень сиротливо. А у них дома хотя бы весело. Да и если отбросить всё прочее, они же соседи, однокурсники... Точно, однокурсники! Исходя из этого, пригласить его на ужин вроде бы ничего такого?

Убедив себя и пока не растратил запал смелости, он блеснул глазами, взглянул на Се Бэя и спросил: «Может... придёшь к нам на новогодний ужин?»

И тут же, словно испугавшись собственной дерзости, затараторил пояснения: «Просто... у вас же дома не готовят, а сейчас места найти сложно... мы же и соседи, и однокурсники... в самый раз... не знаю только, как к этому отнесутся у тебя и у нас... ну...»

Се Бэй, подхватив Жади, подвинулся по ковру поближе, и расстояние между ними сократилось до минимума. Сюй Чжичжэню отступать было некуда, всё его тело напряглось. Близкий, неуловимый мужской аромат, разогретый двадцатью семью градусами тепла, нагло витал в воздухе, смешиваясь с тем, чего Сюй Чжичжэнь побаивался, — с запахом, присущим только Се Бэю. Его было трудно описать, Сюй Чжичжэнь до сих пор не мог понять, на что он похож. Не противный, но и не особо приятный. И уловить его было непросто, только с очень близкого расстояния... как сейчас.

Отодвинуться — будет выглядеть странно. Пришлось оставаться в этой нелепой позе, в считанных сантиметрах от лица, разглядывая высокодетальную красоту в высоком разрешении. Видны были даже поры. А если посмотреть в глаза, то можно было разглядеть в них своё собственное отражение.

Когда-то он поступил в Центральную академию драмы с пятого места по актёрскому мастерству, так что красноречие и толстокожесть были его коньками. И вот теперь он краснел, как рак, голова горела, слова путались, а смотреть на Се Бэя становилось всё неловче.

Внутренне он костерил себя: «Что за дурь? Стесняюсь, как дурак! У меня же веская причина, всё честно и открыто. Чего краснеть-то? Соберись, тряпка! Смотри на него и говори чётко!»

На дворе стояла глубокая зима, а весеннее томление уже норовило вылезти наружу.

Се Бэй усмехнулся, прерывая его сбивчивое бормотание: «Я понял. Идея хорошая. Просто... нам обоим нужно спросить разрешения у семьи?»

Сюй Чжичжэнь, наконец вырвавшись из неловкой ситуации, тут же с энтузиазмом поддержал предложение: «Верно! Я сейчас же пойду спрошу».

Се Бэй фыркнул: «Ладно. Проводить?»

«Не надо, не надо».

Припустив рысцой к двери, он обернулся. Се Бэй лениво прислонился к косяку, помахал ему рукой. На плече у него сидела Жади, и её зелёные глаза холодно сверкали в темноте.

Он ухмыльнулся, и губы изогнулись такой бесшабашной, небрежной улыбкой. Но в самой его сути была какая-то врождённая основательность, и когда он смотрел на тебя, то, даже похожий на ветреного повесу, казался искренним. Казалось, всё его внимание принадлежит только тебе.

«Жду весточки. Как узнаешь — сразу пиши. Смотри под ноги».

Ночь была студёной и сырой. Сюй Чжичжэнь, прижимая к себе Пузырька, бежал домой и пытался привести мысли в порядок. На сложную гамму чувств у него уже не оставалось выражений. Да и раскрасневшееся лицо быстро побелело от мороза.

Он тряхнул головой, побежал к дому, заскочил внутрь, посадил кошку и рухнул на кровать — размышлять о смысле жизни.

А в это время Се Бэй неспешно подошёл к комнате Ли Шэнцзин и, прислонившись к косяку, лениво спросил: «Баб, как насчёт того, чтобы на Новый год пойти к У Тай?»

Ли Шэнцзин оторвалась от светящегося экрана телефона, посмотрела на внука, как на ненормального, подумала и спросила: «Ты что, обаял внучку госпожи У?»

Он рассмеялся и покачал головой: «Нет. Внука».

<http://bllate.org/book/16272/1464657>